

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

реходит в сердца зрителей.

Каждое слово, каждый жест,

каждое движение Нилы зритель, не раздумывая, принимает, как единственно верное, не имеющее второго варианта. И главное — постоянное ощущение борьбы чувств в душе Нилы. Видишь, как неизмеримо тяжело ей притворяться грубой и циничной перед своими близкими, советскими людьми.

Не удовлетворяют зрителя только сцены с Федором. Р. Гутковский оказался неравным партнером Т. Васильевой. Сухая и одноцветная игра его как бы тушит ту гамму чувств и красок, которыми наполнено отношение Нилы — Васильевой к Федору. Актрисе волея-неволей приходится подстраиваться под Гутковского, чтобы не создавать бросающегося в глаза диссонанса.

Умная и обаятельная «хозяйка» Сызранской сцены А. Волная нашла себя в роли матери Федора — очень человеческом и душевном образе.

Красивый человек — мать Федора. И очень неприятен пере страховщик и сухарь — ее брат, дядя Федора, Чураров (Н. Саонов), с тупым постоянством преследующий Нилу.

Удача спектакля — образ нахальной и разбитной мешанки Тузиковой. Он настолько достоверен, что кажется В. Гурова вытащила его готовым «с пылу, с жару» прямо с «Болгарки» или из многолюдной коммунальной кухни. Какое дело, в сущности, этой Тузиковой до того, кто в городе — фашисты или советская власть? Была бы возможность сладко поест, хорошо выспаться и погреть руки над костром чужой беды.

Молодую работницу Зою Парамонову играет Э. Еникеева. Прямоту и честную бескомпромиссность Зои, ее смертельную усталость артистка передает настолько хорошо, что веришь перед тобой настоящая героиня трудового фронта, все отдающая для победы. Но эта прекрасно выраженная усталость Зои, физически ощущаемая зрителем, подавляет все другие стороны характера героини.

Остро и в хорошем актерском рисунке даны образы лощеного фашистского разведчика Мишки Ставзинского (В. Левченко) и «интеллигентного» провокатора Кругляка (И. Шамаков).

А сколько находок, сколько чудесных, подсмотренных в жизни детей характерных черточек, смелых и ярких деталей «выдала» в этом спектакле молодая артистка Зоя Уткина в роли пионера Сашки, готовящего расправу над ненавистной «немецкой овчаркой».

Недостатков в спектакле, конечно, тоже порядочно. Не тот Алексей (Н. Гагарин). Не удался Скотниковой образ пионера Эдика. Были неполадки со звукоопределением и декорациями, неудачны отдельные мизансцены.

Но горячий трепет жизни, страстность, гражданский пафос, которые звучат со сцены, заставляют забывать об этих промахах и недостатках.

Андрей ВЯТСКИЙ.

Разговор о трех премьерях Сызранского драмтеатра.

нается и оставляет впечатление талантливости.

Правильное сценическое толкование образа хитрой и развращенной рабыни Мали нашла Л. Склярская. Единственное, что ей следовало бы посоветовать — чуть уменьшить плотоядную назойливость в сценах с Ксанфом. Честолюбивая рабыня должна быть тоньше, изощреннее в своих домоганиях.

В целом же «Лиса и Виноград» для Сызранского драмтеатра — явление очень отрадное и интересное.

Несколько слабее поставлен «Блудный сын». По-своему, тут все правильно. Актеры играют хорошо, темпераментно, вкладывая много души в исполняемые роли. Но, видимо, подвела режиссерская трактовка пьесы. Ведущее место заняла линия детектива, которым действительно богато произведение. А психологическая сторона отшла на второй план. И вещь получилась несколько приземленной, обедненной чувствами.

Сызранцы охотно посещают поэтический спектакль «Барабанщица». Это, без преувеличения превосходная работа, одухотворенная, красивая и очень правдивая. И, в первую очередь, это горение, эта страсть проявилась в игре Тамары Васильевой, исполнительницы роли Нилы Снежко. Сколько раз у зрителя за время спектакля замирало сердце от желания помочь Ниле, сколько раз из груди рвался крик: «Да ведь она хорошая, она наша! Верьте ей!»

Ох, как трудно, как невыносимо трудно и больно молодой советской девушке, патриотке и комсомолке ридаться в шкуру предательницы, «немецкой овчарки», лавить на себе ненавидящие взгляды своих товарищей. И так полна, так сильна боль Нилы, что зритель берет часть ее невыносимой ноши на себя. Из сердца актрисы она, эта боль, пе-

Начало сезона Сызранского драмтеатра в нынешнем году богато по количеству премьер. Их сразу три: «Лиса и Виноград», «Блудный сын», «Барабанщица».

На сцене идет героическая комедия Гильерме Фигейредо «Лиса и Виноград». В центре Эзоп — человек, поэт, философ. Все знают чудесные басни древнегреческого баснописца. Но не все знают, что он был рабом.

На первый взгляд автор с небоснованным легкомыслием подошел к определению жанра своей пьесы. Какая же это комедия, если герой в цепях рабства, если в жизни на его долю достается только кнут и презрение и, наконец — смерть?

На первый взгляд... Но театр и постановщик К. Шахбазян прочли пьесу лучше, глубже. И спектаклем своим утвердил законсервированного жанрового определения драматурга. Да, комедия. Комедия потому, что главное здесь — торжество разума над глупостью, света над тьмой, чистоты чувств и помыслов человеческих над грязью и пошлостью, свободы над рабством.

Пьеса трудная, философская. Много разговоров. Мало действия. Декорации не меняются. Мало действующих лиц. Всего 6. Из них одно — бесславное...

Но посмотрите, в каком напряжении держат эти шестеро зад!

Сызрань подлюбила Эзоп — Шиселова, сильного духом, непреклонного в своей решимости быть свободным, умного и благородного человека. Жесты его предельно скупы. Фразы лаконичны. Все исполнено большим чувством человеческого достоинства и смысла.

Тонкой, почти филигранной отделкой отличается работа артистки Э. Михайловой. У нее не легкая задача. Надо где-то вцепиться событий, в душевной эволюции героини отыскать те поворотные точки, с которых властолюбивая и избалованная вниванием, капризная и деспотичная красавица Клея, способная на зависть, ложь, жестокость и даже предательство, начинает перерождаться — становится женщиной с благородным и большим сердцем. И она находит эти точки.

Выразителем и Ксанф в исполнении А. Стрепетова. Это древнегреческий сибарит и лентяй, развращенный богатством и почетом. Насколько благороден и привлекателен его внешний облик, настолько убог и сер его духовный мир. А ведь он философ, слова которого жадно ловят ученики его философской школы. Только, может быть, Стрепетову следует сделать своего Ксанфа чуть поумнее, чтобы не так легко доставались над ним победы Эзопу. Но и то, что сделано, запомни-